НЕПОЛНОТА И СИММЕТРИЯ В «ИСТОРИИ» ГЕРОДОТА

В предлагаемой заметке речь пойдет о композиционном принципе, важность которого для греческой архаики давно замечена и признана, — о симметрии. С какой тщательностью и выверенностью используется он в самых различных произведениях, от «Илиады» до Эсхила (если не до Платона), — прослеживалось не раз. Значение симметрического построения в «Истории» Геродота тоже не новость для исследователей. В итоговой книге Дж. Майрса¹ едва ли не главное внимание уделено разбору симметрии отдельных эпизодов «Истории», причем автор помогает читателю и целой лестницей типографских отступов в росписи плана, и даже рисунками, где история Писистрата и Тегейской войны представлены в виде фигурок, расположенных симметрично, как на фронтоне. «Фронтонная композиция» — выражение, которое давно уже стало литературоведческим термином.

Конечно, при всем внимании к этой проблеме здесь выявлено еще далеко не все. Если обратить внимание на пропорции объемов у Геродота, то выступит много незамеченного. Вот пример: ряд чисел 278, 438, (315), 534, 755, 545, 437, 246. Они симметрично, с одним нарушением в скобках, располагаются вокруг самого большого. Что это такое? Это число тейбневровских строчек (в формате старого издания Дитча, где длина строки, как в античном свитке, приблизительно равнялась стиху гексаметра), принадлежащих на эпизоды лидийского и мидийского логоса: Лидия до Креза, Лидия при Крезе, завоевание Лидии, затем — вершина фронтона, самый большой эпизод, чудесная молодость и воцарение Кира, и потом второй скат: завоевание Ионии, завоевание Вавилона и завоевание Массagetов, неудавшееся. А что такое 315 в скобках? Это гл. 53—70, афинские и спар-

¹ *Myres J.* Herodotus, the father of history. Oxf., 1953; из новой литературы важнее всего для рассматриваемой темы книга: *Wood H.* The Histories of Herodotus: formal structure. The Hague, 1972; из старой — классическая статья: *Jacoby F.* // RE. Splbd 2. 1908, там же (§ 26) — история вопроса. Обзор современных взглядов на Геродота в книге: *The Classical World Bibliography of Greek and Roman history* / Ed. W. Donlan. N. Y. — L., 1978.

танские дела, о которых наводит справки царь Крез: это вставной эпизод как в тему, так и в пропорции лидийского логоса. Мы видим: лидийский и мидийский логосы не просто положены рядом, но и сочленены пропорциями эпизодов — порознь в них нет симметрии, а вместе есть. В египетском логосе нет центральной части, но боковые части образуют пропорцию (гл. 2—34, 35—98, 99—146, 147—182): 530 строк — география, 968 — этнография; 942 — древняя история, 592 — новая история Египта (причем $530 + 968 = 1528$ почти в точности равно $942 + 592 = 1534$). То же и в скифском логосе (с пропуском отступления об Аристее): 269 строк — история скифов, 246 — этнография, 146 — география мира, 149 — география скифов, 245 — опять этнография, 141 — скифы и греки, а затем переход к походу Дария. Придавать этим цифрам преувеличенное значение, конечно, не нужно; но они полезны, когда мы смотрим, как у Геродота большие эпизоды складываются из малых эпизодов, и решаем, какие эпизодоразделы здесь сильнее: очевидно те, которые не противоречат намечающейся симметрии.

Однако все это относится только к симметрии эпизодов. Композиция «Истории» Геродота в целом такой симметричной раскладке не поддается. У нее исполински затянувшееся начало, описывающее Восток до Греко-персидских войн, и резко обрубленный конец среди описания первых греческих побед 478 г. после Платеи и Микале. Известно, к какой разногласице между учеными приводит это необычное построение: именно из-за него так живучи были взгляды «разделителей», считавших, что Геродот сперва написал ряд отдельных очерков о восточных странах, а потом, задумав написать историю Греко-персидских войн, вставил их туда как готовые куски. Сейчас это представление в чистом виде все больше выходит из моды.

Есть и другое возможное объяснение необычных пропорций «Истории» Геродота, и оно напрашивается почти само собой. Это — предположение, что сочинение Геродота недописано. Такую возможность допускали многие ученые XIX — начала XX в., последними из крупных были Ф. Якоби и У. фон Виламовиц. Сейчас и это представление вышло из моды: почти все современные исследователи — от ветерана Дж. Майрса до молодого Г. Вуда — принимают а priori, что Геродот задумал и выполнил свою «Историю» в том самом виде, в каком мы ее читаем. Психологически такое отношение к проблеме вполне понятно: во-первых, вообще приятнее думать, что мы читаем полного Геродота, а не недописанный обломок Геродота; а во-вторых, для работ о структуре и связности текста (а именно в этом направлении сейчас Геродот изучается всего интенсивнее) важно быть уверенным, что перед тобой находится законченный отдельный текст с началом, серединой и концом, и все проблемы можно решать, не выходя из пределов этого текста. Поэтому это предположение условно принимается за аксиому, а потом условность забывается, и остается только аксиома.

Вот эту уверенность в полноте и законченности геродотовского текста мы и хотели бы поставить под сомнение. Попробуем вернуться к старой гипотезе о том, что «История» Геродота недописана, и посмотрим, насколько она подтверждается нашими новыми знаниями о Геродоте.

Прежде всего: почему не удовлетворяют современных исследователей представления Якоби и Виламовица о незаконченности сочинения Геродота? Ответ: потому что они недостаточно решительны. И Якоби и Виламовиц полагали, что Геродот недописал самую малость, вроде эпилога — скажем, до образования Афинского морского союза 478/477 г., а на этом тема была

бы исчерпана, Греко-персидские войны в узком смысле слова завершены, и началась бы другая тема — афинской морской экспансии. Это любопытная психологическая аберрация: нам кажется, что Геродот должен был поставить точку там, где она стоит у нас в учебнике, тогда как на самом деле у нас в учебнике она стоит на 478 году только потому, что там оборвал свой рассказ Геродот. Нам кажется, что Греко-персидские войны и вправду кончились отражением персов и созданием морского союза, а все, что было потом, до Каллиева мира 449 г., — это лишь затяжной тридцатилетний постскрипtum. На самом деле это, конечно, не так. Военные действия продолжались, а с ними продолжалась и тема, заявленная Геродотом: «великие и удивления достойные дела эллинов и варваров, особенно же причины, по которым они друг с другом воевали» (I вв.).

Вспомним геродотовское представление о закономерностях течения мировых событий. Современные исследователи, расходясь в частности, в целом рисуют его так. Есть два уровня связи между явлениями — на одном действуют люди, на другом вмешиваются боги. На человеческом уровне это простое сцепление смежных действий: А обидел В, В выместил обиду на С, С привлек на помощь D и стал мстить В и т. д., пока последний действователь не уничтожит своего противника или не выживет его в невозвратное изгнание. Вся история Геродота сплетена именно из таких событийных нитей: на одном конце спровоцированный первопроступок, *αἴτιον, ἀρχή*, потом волна его последствий, а потом замирание или катастрофа. Для греческой перенаселенной тесноты, где толчок на одном конце страны легко докатывался до противоположного и где взаимоистребительная логика кровной мести напоминала о себе на каждом шагу, это была вполне естественная картина мира. Это — на человеческом уровне. А на божественном уровне к этому добавляется еще надзор за мерой: чтобы никакая волна в этой смене не вставала слишком высоко; если это происходит, то божество восстанавливает равновесие: обычно — естественным образом, просто способствуя очередному противодействователю-мстителю, в особенных же случаях — вмешиваясь непосредственно, как, например, в вещем сне Ксеркса, толкнувшем его к катастрофе. Интерес Геродота к истории — это интерес, во-первых, к мотивам человеческих поступков (как правило, своекорыстным), а во-вторых, к угадыванию того предначертанного божественного плана, в который эти поступки должны укладываться (реконструкция будущего по оракулам).

История Греко-персидских войн была для Геродота благодарнейшим образцом для демонстрации именно такой картины мира. Она сплеталась из множества нарастающих и затухающих причинно-следственных последовательностей; и она сама в своем целом представляла собой такую последовательность сперва нарастания (от более мелких и дальних причин к более непосредственным и важным), потом кульминации (в решающем столкновении греков с варварами при Ксерксе) и потом затухания (до самого исхода войны, кончающейся, по-современному говоря, вничью). Началась война с нарушения естественных границ между Европой и Азией, естественного сосуществования между греками и варварами — кончалась война восстановлением нарушенных рубежей, разделом моря и утверждением принципа взаимного невмешательства, закрепленного Каллиевым миром (как ни смутны для нас подробности этого мира). Такой конец войны был идеально симметричен началу: только он придавал законченность, выделенность из той серии событий, которую объявил своим предметом Геродот. Начав такой дальней завязкой, как история Кандавла и Гигеса, он должен был кончить, вероятнее всего, такой даль-

ней развязкой, как Каллиев мир и прекращение военных действий. Это не новая гипотеза, в XIX в. ее выдвигал А. Кирхгоф. Но в XX в. она была незаслуженно забыта, ссылки на нее иссякли, а между тем именно те исследования структуры событий у Геродота, которые появились в XX в., добавляют ей новой убедительности.

Если мы примем гипотезу, что замыслом Геродота было довести «Историю» до Каллиева мира 449 г., — кстати, и путешествия Геродота, дававшие ему материал, могли начаться только с этого времени, — то фронтонная симметрия построения будет полной. В центре фронтона — кульминационные события Керксовой кампании; ось симметрии — Саламин; по две стороны от него — Фермопилы с Артемисием и Платея с Микале; еще дальше по сторонам — пролог этих событий, Марафон, где победил Мильтиад, и, по-видимому, эпилог этих событий, Евримедонт, где победил сын Мильтиада Кимон, и, наконец, по краям — нарастание предшествующих событий и угасание последующих событий. Маятник истории успевает качнуться от мира к войне и опять к миру — можно вспомнить чередование эпох Любви и Вражды в одновременной космологии Эмпедокла. Если замысел Геродота можно сравнить с фронтоном, то перед нами, так сказать, две трети этого фронтона: левое крыло и середина. Правое крыло осталось недоделанным, но если мы будем помнить о нем, то нам будет гораздо яснее гармония недоделанного.

Заметим, что симметрия фронтоной середины выдержана здесь даже количественно: осевая часть, Саламин, занимает 36,5 тейбнеровских страниц, а по сторонам ее — Фермопилы с Артемисием — 60,5 страниц и Платея с Микале — 63 страницы. Для сравнения укажем, что мидийский логос в I книге занимает 62 страницы, «самосско-персидский» в III книге — 61,5 страницы, скифский в IV книге — 69 страниц, а рассказ об ионийском восстании в V—VI книгах — 65 страниц: видимо, такой объем был для Геродота ощутимой единицей повествования, вроде прозаической «рапсодии». Как чередуются такие полномерные эпизоды с неполномерными (вроде ливийского логоса в 26 страниц и фракийского в 11 страниц) — это еще предстоит исследовать. Но уже сейчас при некоторой смелости можно прикинуть, сколько места могло понадобиться Геродоту, чтобы довести повествование до Каллиева мира: не менее трех нынешних (вымеренных александрийскими грамматиками) книг.

Чем и как могло быть заполнено недоделанное правое крыло Геродотова исторического фронтона? Здесь начинается область гадательного: серьезные гипотезы, конечно, невозможны, но некоторая игра воображения может быть позволительна и даже небесполезна.

Насколько мы знаем греческую историю V в., Геродоту предстояло представить в любом случае одно большое событие и три больших лица. Остальное могло быть и могло не быть: очень может быть, при рассказе о восстании илотов 464 г. Геродоту захотелось бы сделать отступление о прежних Мессенских войнах, и он наверно бы описал их не хуже, чем Риан и Павсаний, но может быть и нет; точно так же не стоит прикидывать, куда бы мог поместить Геродот свой дважды обещанный (1.106 и 184) ассирийский логос. Интерес представляет не это.

Главнейшее событие второй половины Греко-персидских войн — это египетская катастрофа афинян в 454—450 гг. Мы реже о ней думаем, чем о Марафоне и Саламине, но это только потому, что она не нашла себе такого художника, как Геродот. Это было событие не меньшего масштаба, чем сорок лет спустя сицилийская экспедиция, и с такими же большими последствиями. Для Геродота это должно было быть важным эпизодом в сме-

не взлетов и падений его истории: Персия при Ксерксе вознеслась свыше меры и была укрощена поражением от греков, греки в свою очередь после победы возгордились свыше меры, тоже нарушили границу Европы и Азии и были укрощены египетской катастрофой — все точь-в-точь по предостережению Солона Крезу, что людское величие не бывает долговечным. Геродот, как известно, упоминает мимоходом (II.140 и III.15) Инара и Амиртея, вождей египетского восстания 462 г., но никаких подробностей о восстании и последующей войне не сообщает, хотя ясно, что сведений об этих недавних событиях у него было больше, чем о фараоне Хеопсе. Поэтому можно полагать, что рассказ об этом он отложил до его хронологического места и что на этом месте, незадолго перед концом «Истории», он был бы симметричен египетскому логосу II книги вскоре после начала «Истории» — в полном согласии с требованиями фронтонной композиции.

Главнейшие лица второй половины Греко-персидских войн — Фемистокл, Павсаний и Кимон. У всех (как и у их предшественника Мильтиада) была схожая судьба: одержав решительные победы, спасшие Грецию, они попали в опалу и были объявлены врагами народа. Павсаний погиб, а Фемистокл искал приюта у того самого персидского царя, с которым он воевал. Для Геродота это тоже был благодарный материал, иллюстрирующий все то же Солонovo предостережение о непрочности людского величия. В его схеме действий и противодействий исторического процесса были устойчивые роли: властолюбивый узурпатор, властитель-гордец, обиженный им мститель и, наконец, изменник, ради личной мести предающий неприятелю целое государство. Иногда эти роли (первые две и последние две) совмещались в одном лице, иногда разделялись; в частности, устойчивым стереотипом была схема двух поколений, где отец — узурпатор, а сын — наказанный гордец; так построены пары Кипсел — Периандр и Писистрат — Писистратиды и так же (что интереснее) построены пары обеих персидских династий: Кир — Камбис и Дарий — Ксеркс. В начальной части «Истории» с незабываемой яркостью были представлены узурпаторы и гордцы (это — вся Геродотова галерея царей и тиранов) и гораздо реже и бледнее были представлены изменники, такие, как Силосонт или Ферегима. В конечной же части «Истории» именно эти фигуры, по-видимому, выросли до размеров Павсания и Фемистокла.

Самое интересное, что у Павсания и Фемистокла есть свои симметричные аналоги, «префигурации» (термин Вуда) в начальной части «Истории». Это — Клеомен и Демарат. Клеомена объединяет с Павсанием, во-первых, мотив интриг среди союзников Спарты, а во-вторых, мотив безумия (как Павсаний мучился видениями и вызывал мертвых, мы знаем из Плутарха — Кимон. 6), а за Павсанием и Клеоменом рисуется третий аналог, великий восточный безумец — Камбис. Демарата (и, если угодно, Гиппия) объединяет с Фемистоклом мотив изгнания и советничества при враждебном царе, а за Фемистоклом и Демаратом рисуется еще один аналог, великий восточный изменник — Гарпат. Наконец, оба и Павсаний и Фемистокл, имеют общий знаменатель еще в одной фигуре начальной части «Истории» — в Гистиее: с Павсанием Гистиея объединяет властолюбие как мотив его поступков, с Фемистоклом — двуличие как форма их осуществления. А кроме этой переклички с Павсанием и Фемистоклом в образе Гистиея можно предположить и еще одну, более гадательную: с Амиртеем и Инаром, зачинщиками египетского восстания, которое привело к катастрофе афинского флота точно так же, как симметричное

ему ионийское восстание, начатое Гистиеем, привело к нашествию 490 г. на Грецию. Думается, что возможность такого истолкования придает дополнительные оттенки двусмысленному образу Гистиея. Что касается третьего героя послесаламинского периода, Кимона, то его место в системе образных перекличек еще яснее: Кимон симметричен своему отцу Мильтиаду: как он — побеждает, как он — попадает в опалу, но успевает пережить ее и одержать новую победу.

Повторяем: обрисованная здесь картина — не более чем гипотеза. Это не реконструкция несохранившегося текста, а реконструкция не воплощенного замысла. При изучении литературы нового времени такие проблемы не редкость, но филолог-классик с ними обычно не сталкивается. Единственная аналогия, которую можно вспомнить, — это «Фарсалия» Лукана, заведомо недописанная вещь, от которой существуют 10 книг, обрывающихся на полуэпизоде, а задумано было, как предполагается, 12 книг, кончающихся смертью Катона Утического. Мы лишь хотели показать, насколько (как кажется) яснее раскрывается и идейное, и художественное содержание элементов произведения, если их рассматривать в структуре целого. Геродот, насколько известно, был первым греческим прозаиком, сочинившим цельное произведение такого большого объема. Единственным его образцом при работе над таким объемом был эпос, и он работал, строя свое целое из эпизодов-логосов, как эпический поэт из эпизодов-рапсодий, выстраивая каждый эпизод и все произведение в целом по принципам симметрии со сложной системой параллелизмов, пропорций и перекличек. В Геродоте мы видим как бы Гомера за работой. Это — общая черта их архаического стиля. Более же детальный анализ сходств и различий симметрии Гомера и симметрии Геродота потребует, конечно, специального исследования.

М. Л. Гаспаров

INCOMPLETENESS AND SYMMETRY IN HERODOTUS' «HISTORY»

M. L. Gasparov

The compositional symmetry (frontality) of episodes in Herodotus' 'History' has long been noted, but it has been impossible to see it in the composition of the 'History' as a whole. It is becoming obvious, however, when it is presumed (following many) that the writing of the 'History' was not finished by the Kallias Peace (which is not usually considered). Its centre would then be Salamis with Thermopylae and Artemisia to one side and Plataia and Mykale on the other, further to the side would be Miltiades' Marathon and Kimon's Eurymedon; and at the extremes the Egyptian logos and the description of the Athenian catastrophe in Egypt. Herodotus' conception and treatment of the separate historical figures does not contradict this.